Ричард Уотмор

Что такое интеллектуальная история?

Ричард Уотмор
Что такое интеллектуальная история?
Серия «Интеллектуальная история»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68937219
Что такое интеллектуальная история?: Новое литературное обозрение; Москва; 2023
ISBN 978-5-4448-2134-3

Аннотация

Увлекательная, насыщенная смыслами и лаконичная книга Ричарда Уотмора, ведущего представителя интеллектуальной истории в англоязычном мире, дает ясные ответы на сложные вопросы. Зачем и как ученые реконструируют идеи и мировоззрения людей ушедших эпох? Насколько тесно эта дисциплина связана с развитием политической мысли? Когда возникает общественная потребность в таком типе знаний? Автор прослеживает эволюцию подхода от первых опытов Юма и Монтескье до недавних работ Скиннера, Хонта или Дарнтона, рассказывает о больших открытиях интеллектуальных историков в области политической философии Нового времени и отвечает на базовые теоретические вопросы. Уотмор показывает, как философские, научные,

политические, религиозные и художественные идеи зарождаются и формируются в различных исторических контекстах, а затем сами оказывают прямое влияния на развитие общества и решения людей. Знакомя читателя с современным состоянием интеллектуальной истории, ученый предлагает собственное – доступное и убедительное – определение границ этой дисциплины. Ричард Уотмор – профессор современной истории и директор Института интеллектуальной истории в Сент-Эндрюсском университете.

Содержание

Предисловие 6
Благодарности 11
Введение 12
Глава 1 32
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Ричард Уотмор
Что такое интеллектуальная история?

Редакторы серии «Интеллектуальная история» Т. Атнашев и М. Велижев

Научные редакторы Т. Атнашев и М. Велижев

Перевод с английского Н. Эдельмана, послесловие Т. Атнашева и М. Велижева

В оформлении обложки использованы портреты Дэвида Юма (худ. Аллан Рэмзи, 1766, Национальная портретная галерея Шотландии) и Шарля Монтескье (копия неизвестного автора с работы Жака-Антуана Дасье, вторая половина XVIII в., Версаль).

* * *

Моей матери, Бренде Уотмор

Предисловие

Цель этой небольшой книги – дать широкому читателю представление о том, что такое интеллектуальная история и чем занимаются интеллектуальные историки. В настоящее время интеллектуальная история является сферой чрезвычайно активных исследований. Интеллектуальные историки находятся на переднем крае глобальных, транснациональных, компаративных, спациальных, визуальных и интернациональных направлений в исторической науке. Можно говорить об интеллектуальной истории научных доктрин, страстей и чувств, градостроительства и национальных государств, каннибализма и других (более естественных) форм потребления, трудящихся классов, биографии и гимнографии. Как бы мы ни пытались определить, что такое интеллектуальная история, определение будет неполным. Равным образом, оно неизбежно будет субъективным; остается лишь надеяться, что этот недостаток простителен для вводно-ознакомительного текста, каковым является настоящая работа. Книга, в которой дается дефиниция интеллектуальной истории, могла бы без долгих предисловий обратиться к интеллектуальной истории науки, искусства, музыки или антропологии – областей, в которых начиная с 1950-х гг. были достигнуты впечатляющие успехи. Кроме того, в последние годы весьма плодотворным оказалось сотрудниче-

ство интеллектуальных историков и историков философии, а также интеллектуальных историков и историков литературы. В своей работе я пытаюсь обратить внимание читателя на полезные, как мне кажется, путеводители по этим областям. Содержание книги с неизбежностью несет на себе отпечаток моих личных интересов. К ним я пришел путем, который сейчас уже можно назвать традиционным. Мне повезло обучаться в Кембриджском университете, где в 1980-х гг. я получил представление об интеллектуальной истории благодаря двум курсам с такими вдохновляющими названиями, как «Политическая мысль до 1750 г.» и «Политическая мысль после 1750 г.». Моими лекторами и наставниками были Джон Данн, Марк Голди, Дункан Форбс, Квентин Скиннер, Гарет Стедмен Джонс, Ричард Так и другие светила. Лишь после получения диплома и затем года в Гарварде я догадался, что стал членом особого племени.

В Кембридже (Массачусетс) я прослушал курс «Политической теории Просвещения», который читала несравненная Джудит Шклар. На занятиях Шклар побуждала аспирантов к установлению связи между изучаемыми в рамках этого курса текстами авторов былых эпох и вопросами актуальной политики. Таким образом, нам следовало задуматься, какую позицию занял бы тот или иной автор, столкнувшись с противоречиями современного мира. Соответственно, предметом продолжительных дискуссий служил, например, вопрос – «стал ли бы Монтескье сжигать флаг [США]».

Эти дебаты вызывали у меня чувство недоумения, потому что я не видел никакого смысла в поиске ответа на вопрос, который, как казалось мне в то время (и кажется до сих пор), ничего не прибавляет ни к нашим знаниям о Монтескье, ни к нашим знаниям о природе политических идей прошлого и настоящего. Меня учили, что мы читаем труды авторов прежних времен с тем, чтобы узнать их мнение о волновавших их вопросах. Увязать их воззрения с нынешней политической проблематикой возможно, но лишь сложным и косвенным образом. Шклар же, напротив, предлагала участникам своих семинаров обсуждать аргументы, приводимые в изучаемых текстах, давать им оценку и сопоставлять их с современными взглядами. Шклар была вдохновляющим педагогом, не признававшим догм и поощрявшим своих учеников к самостоятельному мышлению. В отличие от моих наставников в британском Кембридже она принципиально отказывалась высказывать свою позицию по обсуждаемым вопросам и сводить свои семинарские занятия к упражнениям по передаче сведений о том, как думали люди в прошлом. Это было досадно, поскольку я понимал, что Шклар разбирается в политике XVIII века лучше, чем когда-либо буду разбираться я, и хотел учиться у нее.

Я рассказываю обо всем этом, чтобы обозначить свой подход к интеллектуальной истории. Кое-кто из читателей, возможно, подумает, что речь идет о принадлежности к Кембриджской школе интеллектуальной истории, как нередко

называют группу, которая зачастую ассоциируется с утверждением, будто интеллектуальная история – это то же самое, что история политической мысли. Однако дело никогда не обстояло таким образом. В глазах кембриджских авторов и прочих интеллектуальных историков на первом месте всегда стояла история идей, а не политика, да и к изучению политики можно подойти через экономику, антропологию, естествознание и множество других дисциплин. Одна из задач данной книги – показать, что от такого ярлыка, как Кембриджская школа, при всем его удобстве для обозначения ряда пионерских работ, в которых интеллектуальная история получила теоретическое обоснование, в наши дни вполне можно отказаться. Он далеко не всегда отражает весь спектр исследовательских интересов лучших интеллектуальных историков, многие из которых по-прежнему так или иначе связаны с этим университетом. Интеллектуальные историки, имена которых в массовом сознании ассоциируются с Кембриджем, представляют самые разные методологические подходы и, следует признать, находят последователей по всему англоязычному миру. В то же время нельзя забывать и о вкладе, внесенном в становление интеллектуальной истории теми, кого называют историками политической мысли; в настоящей книге подчеркивается, что некоторые из них по-прежнему диктуют повестку интеллектуальной истории. В своих рассуждениях я привожу примеры и иллюстрации, почерпнутые из истории политической мысли, осо-

бенно политической мысли долгого XVIII в. Именно на этой почве я чувствую себя наиболее уверенно. Анонимный рецензент рукописи моей книги задался вопросом, не следует ли назвать ее «Что такое история политической мысли?». Однако я ставил перед собой цель написать введение именно в интеллектуальную историю, не упуская из виду взаимосвязи между этими по-прежнему тесно пересекающимися сферами. Один из моментов, на который указывается как в этой книге, так и в других работах, заключается в том, что интеллектуальная история стоит на распутье. В настоящее время из печати выходят, возможно, последние труды некоторых из основоположников интеллектуальной истории в ее нынешнем виде; и в то же время методы и установки этих ведущих фигур нашли приложение ко множеству новых областей исследований и проблем. Куда интеллектуальная история двинется завтра, остается только догадываться.

Благодарности

Мне хотелось бы поблагодарить коллег и друзей, связанных с Институтом интеллектуальной истории при Сент-Эндрюсском университете и с Сент-Эндрюсским университетом вообще. Я нахожусь в долгу перед моей женой, Рут Вудфилд, и нашими детьми, Джессом, Ким и Дэйви Уотморами, давшими согласие на наш коллективный переезд на север. Особых благодарностей заслуживают Мануэла Альбертоне, Риккардо Бавадж, Рори Кокс, Эйлин Файф, Крис Гринт, Кнуд Хааконсен, Джеймс Харрис, Джон Хадсон, Бела Капосси, Колин Кидд, Росарио Лопес, Ник Ренгер, Жаклин Роуз, Филип Скофилд, Майкл Соненшер, Кон Стапелброк, Филипп Штайнер, Кит Трайб, Дональд Винч и Брайан Янг. Я признателен им за замечания, советы и поддержку. Эллиотт Карстадт идеально отредактировал эту книгу; от него и от отобранных им двух анонимных рецензентов рукописи я получил массу конструктивных замечаний. Сара Дэнси превосходно проделала редактуру готового текста, выявив множество ошибок. Ответственность за те, что остались в книге, лежит исключительно на мне.

Введение

В Экклригг-Крэг, у восточной оконечности озера Уиндермир в Камбрии, что на северо-западе Англии, когда-то был карьер, где добывали сланец и камень, из которых в этих местах строили замечательные здания. Каменоломня, действовавшая с XVIII по начало XX в., была достаточно крупной, чтобы иметь собственный погрузочный док. Теперь это уже история, все, что осталось от тех времен на территории, ныне принадлежащей построенному там отелю, – рукотворные скальные массивы, частью скрытые водой, частью возвышающиеся над ее поверхностью, плюс пять огромных плит коренной породы с высеченными на них с большим тщанием надписями. Некоторые из них были сделаны в 1835–1837 гг., судя по всему, кем-то из каменотесов, работавших на карьере. Стараниями этого человека были увековечены имена национальных и местных знаменитостей – таких, как Нельсон, Ньютон, Вальтер Скотт, Вордсворт, Дженнер, Хэмфри Дэви, Ричард Уотсон, а также имена хозяина каменоломни, Джона Уилсона, друга «озерных поэтов», хорошо известного в тех краях (он писал для журнала Blackwood's Magazine и с 1820 по 1851 г. преподавал моральную философию в Эдинбурге), Джона Лаудона Макадама, прославленного строителя дорог, и ряда лиц, финансировавших местные школы. Одна из самых больших плит, пятиметрового размера, дает представ-

ление о воззрениях каменщика, выраженных гигантскими буквами: «800 000 000 фунтов национального долга / Боже, спаси мою страну! / Георг III, Уильям Питт / Деньги – мускулы войны / Фельдмаршал Веллингтон / героический адмирал Нельсон»[1].

О чем эти надписи способны поведать историкам? Исследователю, занимающемуся социальной историей, они, вероятно, укажут на классовую и гендерную принадлежность рабочих каменоломни, на их ритуалы и идентичность, благодаря чему он сможет кое-что узнать об их социальном положении, условиях их труда, о том, как они проводили свой досуг, об устройстве общества, в котором они жили. Для историка экономики эти надписи могут послужить источником сведений об относительной величине заработков рабочих, экономической ситуации того времени, а также о том, какая доля в занятости местного населения приходилась на труд в каменоломне и как это соотносилось с общенациональными тенденциями в целом. Возможно, это стимулирует поиск и обследование других аналогичных надписей. Историк культуры, скорее всего, пустится в рассуждения о локальных, региональных и общенациональных дискурсах, служивших средством самовыражения для индивидуумов и социальных групп, а затем перейдет к анализу властных отношений между ними, рисуя картину взаимосвязей между отдель-

---

[1] *Tyson B.* Quarry Floor Inscriptions at Ecclerigg Crag, Windermere // Transactions of the Ancient Monuments Society. 1981. Vol. 25. P. 87–101.

ными представителями данной исторической эпохи и более широкими социальными группами. Что же касается интеллектуального историка, то ему придется начинать со слов. Что пытался сказать этими надписями автор? Почему он выбрал именно такой способ самовыражения? Как те же самые мысли могли быть выражены другим способом? Каким было происхождение этих аргументов и какой они встречали отклик?

Поиск ответа на подобные вопросы может оказаться непростым делом, особенно когда высказывания вырваны из контекста или же – как в данном случае – мы имеем дело с отдельными словами или лаконичными изречениями. Разобрать имена лиц, упомянутых в нашей надписи, относительно просто. Они позволяют заключить, что автор знал самых известных жителей тех мест, по видимости, отдавал должное их статусу и ценил их благотворительную деятельность – особенно финансирование школ для бедных. Кроме того, он с подчеркнутым уважением относился к достижениям в науке и технике, к поэзии и литературе, а также к воинской доблести и проявлениям героизма. Пожалуй, имена больше ничего нам не скажут, но кроме них на каменных плитах высечены еще и изречения. Они указывают на плачевное положение страны, вызванное национальным долгом, и на необходимость экономии («Боже, спаси мою страну!»). В словах «Деньги – мускулы войны» явственно видна неприязнь к соединению денег и войны. Наряду с этим в надписи

дважды упоминается Уильям Питт. Это невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, но, видимо, автор считал Питта поджигателем войн предыдущей эпохи, а возможно, и поры своей юности, о чем могут свидетельствовать упоминания Нельсона и Веллингтона. Характерной чертой тех времен являлась способность восхвалять в патриотическом духе доблести великих мужей и одновременно сокрушаться о размахе войн и их последствий.

Более значимо то, что фраза «Боже, спаси мою страну!» – это прямая цитата из эпитафии Александра Поупа по случаю кончины доктора Фрэнсиса Аттербери, епископа Рочестерского, который умер в 1732 г. в парижском изгнании на руках у дочери и, умирая, якобы произнес эти слова. Источник, к которому восходит это речение, хорошо известен: отец Паоло Сарпи, великий венецианский историк, на смертном одре сказал: «Да пребудет она в веках» («Esto perpetua»), тем самым выразив надежду, что Венеция останется независимой суверенной державой. Что касается утверждения «Деньги – мускулы войны», которое оспаривали и Николо Макиавелли, и Фрэнсис Бэкон, то оно восходит к «Пятой филиппике» Цицерона. Мы находим его отзвуки у таких не похожих друг на друга авторов, как Рабле и Теннисон. Что эти слова значили для каменотеса из Экклригг-Крэг? Они были общим местом в литературе XVIII в., сетовавшей на распространение роскоши и духа наживы и предсказывавшей, что это повлечет пагубные последствия для всех слоев об-

щества – необузданную вольность нравов, войны и увязание в долгах. Хороший пример литературной иеремиады, жанра, наследником которого выступает наш каменотес, – статья Давида Юма «О публичном кредите» из его «Политических рассуждений» (1752). У Юма нарастало отчаяние по поводу последствий закредитованности европейских национальных государств. При описании этих последствий в сфере международных отношений он использовал выразительнейший образ – фехтование на деревянных мечах в посудной лавке. Разумеется, в итоге вся посуда окажется побита, и примерно то же ожидает экономику и гражданское общество в странах, накопивших большой долг. Подобные опасения достигли пика во время войн с революционной Францией и Наполеоном, когда британский национальный долг превышал 250 % валового внутреннего продукта – рекорд, который с тех пор не обновлялся. Связь Питта с этим долгом, особенно явная в 1797 г., когда правительство освободило Банк Англии от обязанности конвертировать деньги в золото, была очевидной для всех, кто жил в то время.

Страх войны и банкротства из-за долгов служил главной причиной, по которой в XVIII в. многие наблюдатели – современники Юма разделяли его уверенность, что британское государство клонится к упадку. В отличие от них мы задним числом способны разглядеть первые проблески того, что впоследствии получило название «промышленная революция». По мнению некоторых историков, экономика ни-

когда не росла более высокими темпами, чем в XVIII в.[2] Кроме того, Бэзил Уилли и другие авторы писали, что типичной чертой этого периода было укрепление стабильности, ставшее прелюдией к викторианской самоуверенности. Современникам же Англия XVIII в. представлялась новым государством, пребывающим в кризисе, изнуренным долгами, войнами и политическими распрями между якобитами и ганноверцами, вигами и тори, англиканами, католиками и сектантами, а также между противниками и сторонниками коммерциализации общества. Лишь немногие наблюдатели полагали, что в настоящем можно рассмотреть черты какого-либо будущего, если только речь не идет о предсказании национального краха. По всеобщему убеждению, не за горами были великие потрясения; широко распространилось чувство неуверенности. Даже авторы, известные своим бесстрастием, а то и некоторым оптимизмом при обсуждении будущего Британии, такие как Адам Смит и Жан-Луи де Лольм, не думали, что статус-кво сохранится или что он вообще достоин сохранения. Куда более привычными были мрачные пророчества о гибели Англии и ее поражении в войне.

Тот факт, что Англия пережила Французскую революцию и Наполеоновские войны и в итоге выдвинулась на лиди-

---

[2] *Mokyr J.* The Enlightened Economy: An Economic History of Britain 1700–1850. New Haven, 2009 (рус. пер.: *Мокир Дж.* Просвещенная экономика. Великобритания и Промышленная революция 1700–1850 года / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М., 2017).

рующие позиции в европейской экономике и политике, кажется еще более примечательным на фоне скепсиса многочисленных наблюдателей. И все же, несмотря на то что для многих стран мира Британия стала образцом в политическом и экономическом отношении, ее интеллектуальная жизнь по-прежнему оставалась пронизана чувством ложного величия, неизбежности грядущего упадка и неестественности взлета к вершинам политического и коммерческого господства, которое не может быть долговечным. Уровень долга, накопленного в XVIII в., к 1830-м гг. лишь незначительно снизился, и потому кое-где по-прежнему раздавались отголоски былых сетований об упадке Англии. И в случае с каменщиком из Экклригг-Крэг мы имеем дело именно с ними. Этот человек был атавизмом минувшей эпохи с ее апокалиптическими настроениями и предчувствиями национального краха. Высеченные им надписи значимы как свидетельство живучести определенных идей. Мы можем видеть, что страх перед будущим сохранялся даже накануне пресловутого «века равновесия». Таким образом, эти надписи важны как напоминание о том, какими были первые годы Викторианской эпохи, о котором мы порой забываем.

Понимание значения слов нашего каменотеса подчеркивает способность интеллектуальной истории выявлять скрытые аспекты мышления людей былых эпох, идеи и аргументы, которые мы не принимаем во внимание, потому что они были забыты или отвергнуты последующими поколениями.

Интеллектуальный историк стремится воссоздать ушедший мир, реконструировать по уцелевшим фрагментам точки зрения и идеи, снять с них покровы и объяснить, почему в прошлом они так будоражили умы и имели столько убежденных сторонников. Идеи, а также порождаемые ими культурные феномены и практики лежат в основе всякого акта понимания. Идеи находят выражение в размышлениях ведущих философов, чьи концепции свободы, справедливости и равенства нуждаются в разъяснении, в деятельности культурно значимых представителей любого общества, а по сути, носителей любых форм массовой популярной культуры. Ко второй группе принадлежал, например, натуралист и писатель Генри Уильямсон, прославившийся в 1927 г. после издания его книги «Выдра по имени Тарка». В 1964 г., давая интервью Би-би-си для фильма о Первой мировой войне, он вспоминал, что служил рядовым Пулеметного корпуса и на Рождество 1914 г., после кровопролитной первой битвы за Ипр, братался в траншеях Фландрии с немецкими солдатами, внезапно заключившими со своими врагами из Англии недолгое перемирие, где-то продолжавшееся несколько часов, а где-то несколько дней. Во время этого братания Уильямсон разговорился с немцем, и тот сказал ему, что его соотечественники сражаются «за родину и за свободу». Уильямсон ответил, что войну начала Германия, что за свободу сражаются вовсе не немцы, а англичане и что Бог и справедливость, несомненно, на их стороне. Кроме того, Уильямсон

сказал, что война скоро закончится из-за мощного натиска русских на Восточном фронте. Немец на это возразил, что скорая победа Германии неизбежна, так как русская армия находится на грани краха, и спорить тут бесполезно, потому что друг друга им не переубедить. Этот обмен мнениями изменил отношение Уильямсона к войне. Он недоумевал: как бойцы по обе стороны фронта могут быть настолько убеждены, что именно их дело правое, ведь из-за этого сражения становились бессмысленными, превращаясь в войну на истощение, влекущую за собой только гибель людей и разрушение наций. Позднейшие заигрывания Уильямсона с фашизмом в 1930-х гг., когда он считал, что фашизм способен дать людям некую нравственную уверенность, то, чего, по его мнению, западным демократиям явно недоставало, были непосредственным продуктом идеологического откровения 1914 г., о том, что обе стороны убеждены в абсолютной правоте своего дела. Именно истолкованием подобных воззрений, их источников, внутренней сущности и границ – в идеале не скатываясь в крайности – и занимается интеллектуальная история.

Другие примеры дает нам популярная культура. В первой экранизации романа Джона Бакена «Тридцать девять ступеней» (1915), снятой Альфредом Хичкоком и вышедшей в 1935 г., в эпизоде, когда поезд «Летучий шотландец» прибывает на станцию Уэверли в Эдинбурге, один из двух англичан-коммивояжеров, оказавшихся в одном вагоне с глав-

ным героем, находящимся в бегах Ричардом Хэнни, спрашивает у первого увиденного им шотландца, с перрона продающего пассажирам газеты: «На нормальном языке говорить умеете?» В одном из следующих эпизодов, когда Хэнни скрывается от полиции в болотах к северу от Эдинбурга, мы видим фермера, набросившегося с кулаками на свою жену за то, что та отдала его пальто замерзшему Хэнни. Фермер, которого играет Джон Лори, впоследствии прославившийся ролью в сериале «Папашина армия», изображен как злобный, грубый, нелюдимый и двуличный человек, который готов выдать Хэнни полиции, несмотря на то что тот заплатил ему за молчание. Проникновение в кино межвоенной эпохи нетерпимого отношения англичан к шотландцам и к шотландскому кальвинизму, в котором они видели лицемерную, замкнутую на себе и варварскую религию, оправдывает изучение идей, стоящих за подобными национальными стереотипами, и истории их возникновения, распространения и исчезновения. Более свежую иллюстрацию эффекта трансформации идей можно найти в фильме «Бегущий по лезвию», снятом в 1982 г. режиссером Ридли Скоттом по роману Филипа К. Дика «Снятся ли андроидам электроовцы?» (1968). В этом фильме, действие которого происходит в дистопическом Лос-Анджелесе 2019 г., почти все персонажи непрерывно курят. Ни Ридли Скотт, ни Филип Дик не могли знать, что вскоре после наступления нового столетия акт курения уже не будет сигнализировать зрителю о статусе и настрое-

нии героя, а вместо этого станет точным указанием на то, что фильм посвящен именно послевоенной эпохе, а не какому-то воображаемому будущему. Интеллектуальная история, имеет ли она дело с мудреными философскими высказываниями, устоявшимися культурными практиками или спонтанными проявлениями национальных предрассудков, стремится объяснить происхождение и распространенность подобных мнений, история которых никогда не бывает простой. Как писала об «Историческом и критическом словаре» Пьера Бейля (1697) Элизабет Лабрусс,

> история идей показывает, что произведение, будучи вырвано из своего исходного социально-исторического контекста и прочитано как носитель универсального послания, оказывает наибольшее влияние не через механическое воспроизведение или точное отражение содержащихся в нем идей, а благодаря двусмысленностям, заблуждениям и анахронизмам, проникающим в его интерпретацию[3].

Предвосхищение возможных изменений окружающей действительности составляет суть великого множества представлений о жизни и идей; и история, как правило, жестоко шутит над теми, кто претендует на дар пророчества.

Сказанное сводится к утверждению, что, хотя при изучении экономических циклов, демографических режимов, данных об урожайности и т. п. как будто можно иногда не ду-

---

[3] *Labrousse E.* Bayle // Transl. by D. Potts. Oxford, 1983. P. 90.

мать о роли идей в человеческой истории, иметь с ними дело неизбежно придется. Все люди думают, и все они облекают свои мысли в самые разные формы. И все это нуждается в тщательной реконструкции, если мы хотим понять, чем люди занимались, что означали излагаемые ими идеи и как они соотносились с общей идеологической культурой, внутри которой они формировались. Анализ содержания идей возможен только после их исторической интерпретации. Интеллектуальная история как таковая имеет очень много общего с этнографическими исследованиями, которые стали обычным делом в антропологии и родственных ей общественных науках. Лучше всего их описывает Клиффорд Гирц в своей знаменитой статье «Насыщенное описание: в поисках интерпретативной теории культуры». Он начинает с утверждения о семиотическом характере культуры, поскольку «человек – это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов»[4].

Гирц позаимствовал понятие «насыщенное описание» (thick description) у Гилберта Райла с его знаменитым примером про двух мальчиков, каждый из которых подмигивает правым глазом. У одного из них просто тик, в то время как другой подает какой-то сигнал друзьям. После этого третий мальчик также начинает моргать и подмигивать,

---

[4] *Geertz C.* Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture // Idem. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York, 1973. P. 3–30 (рус. пер.: *Гирц К.* Интерпретация культур. М., 2004. С. 9–42; цитату см.: Там же. С. 11; пер. с англ. Е. М. Лазаревой под ред. А. Л. Елфимова).

передразнивая первых двух. В данном случае насыщенное описание выявляет «стратифицированную иерархию наполненных смыслом структур, в контексте которых можно моргать, подмигивать, делать вид, что подмигиваешь, передразнивать, репетировать передразнивание»[5]. Считается, что выражение «насыщенное описание» предложил Иеремия Бентам, хотя мне не удалось найти этих слов ни в его опубликованных произведениях, ни в текстах, которые не предназначались для печати. Впрочем, «насыщенное описание» вполне соответствует процессу, прибегать к которому Бентам рекомендовал при объяснении смысла конкретных идей. Бентам неоднократно – а в своем обращении к Национальному собранию в Париже и довольно настойчиво – подчеркивал, что порой понять, что такое справедливость или, скажем, свобода, так же непросто, как разобрать, моргает ли человек преднамеренно или непроизвольно. Решение состоит в том, чтобы изучить все доступные варианты употребления соответствующих слов. Скажем, в отсутствие примеров, иллюстрирующих понятие «свобода», легко впасть в ошибку, что, по утверждению Бентама, сделали французы, спутав установление свободы с построением империи. Соответственно, Бентам старался точно проговаривать, что такое свобода и что она влечет за собой, и при этом объяснял, что сплошь и рядом под ней могут понимать «навязанную

---

[5] *Geertz C.* Thick Description. P. 7 (рус. пер.: *Гирц К.* Интерпретация культур. С. 13).

свободу», которая становится орудием, помогающим сильным эксплуатировать слабых[6]. Лишь после тщательного изучения воззрений, зафиксированных в исторических источниках, мы можем ответить на вопрос о том, были ли Олимпийские игры просто спортивными состязаниями, представляли собой некую правительственную структуру или, например, служили производным всеобщего увлечения укрепляющими здоровье физическими упражнениями. Или, скажем, на вопрос о том, являлись ли черепа, цветы, животные и насекомые на натюрмортах представителей золотого века голландской живописи, таких как Амброзиус Босхарт, Питер Клас и Ян Давидс де Хем, эмблемами, метафорами и символами того, как нужно жить и встречать свою смерть, или же просто тюльпанами, ящерицами и бабочками.

При всем этом интеллектуальную историю часто ругают. Она уже давно служит мишенью для критики со стороны историков, философов и социальных теоретиков. Льюис Нэмир, сторонник просопографического метода в историческом анализе – выявления общих черт той или иной группы на основе биографической информации, – еще в 1930 г. в своей книге «Англия в эпоху американской революции» называл изучение идей «вздором», исходя из того что люди в своих поступках на самом деле руководствуются личной выгодой. Идеи же только сбивают с толку, поскольку скры-

---

[6] Jeremy Bentham to the National Convention of France (1793), впоследствии опубликовано как: Emancipate your Colonies.

вают истинный источник социального действия. В дальнейшем представители различных философских позиций утверждали, что идеи можно понять лишь увязав их с подлинными причинами социальных изменений, будь то управляемые или неконтролируемые экономические силы, бессознательное «я» или несознательные массы. Соответственно, идеи являются вторичным источником сведений о мире. Настоящее исследование должно состоять в выявлении наиболее значимого контекста, в котором эти силы представлены, а идеи можно объяснять только через установление их связи с этими факторами. Антонио Грамши однажды обвинил историка Бенедетто Кроче в «презренном понтийпилатстве», то есть в интеллектуальном высокомерии и неизбежной оторванности от интересов народных масс. Он нападал на Кроче за то, что тот не занимает четкой позиции, не желает ни за что отвечать и не принимает непосредственного участия в общественных делах[7]. Аналогичным нападкам интеллектуальные историки подвергались вплоть до недавнего времени. Их называли идеалистами, оторванными от настоящего любителями древности, проводниками политики «разговора книг с книгами», исследователями элиты и выдающихся одиночек, неспособными понять общество и не верящими в существование иных причинных факторов, кро-

[7] *Gramsci A.* Quaderni del carcere. Vol. 1. Il materialismo storico e la filosofia di Benedetto Croce. Turin, 1966. P. 174–175 (рус. пер.: *Грамши А.* Тюремные тетради: В 3 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 210; пер. с ит. Г. П. Смирнова, В. А. Дмитренко, П. А. Козлова, Е. Г. Молочковской, А. К. Орла, Л. Б. Попова, Ю. А. Суворова).

ме идей. В нашей книге будет показано, что вся эта критика бьет мимо цели, если ее объектом служит интеллектуальная история как дисциплина, практикуемая в наши дни.

Интеллектуальные историки сходятся на том, что идеи важны как первичный источник сведений о социальных явлениях и непосредственно выявляют те факты о нашем мире, которые невозможно описать иначе, чем через ссылки на идеи. Идеи сами по себе являются социальными силами. Они могут быть сформированы другими силами, но в свою очередь сами неизбежно оказывают влияние на человечество. Однако в остальном согласия между интеллектуальными историками нет[8]. Отчасти дело в том, что они принадлежат ко множеству различных философских племен, возникших во второй половине XX в. или еще раньше. Некоторые из них будут описаны ниже. Следует подчеркнуть еще одну проблему интеллектуальных историков: их можно встретить на самых разных гуманитарных факультетах и потому их представления о самих себе неизменно определяются методами работы, господствующими в соответствующих областях. Особой проблемой часто является отношение к ним коллег-историков. Прежде нередко можно было услышать, что интеллектуальные историки неловко чувствуют себя в присутствии «настоящих» историков, считающих идеи

---

[8] О степени разногласий среди интеллектуальных историков дает четкое представление онлайн-видеопроект «Что такое интеллектуальная история?», доступный по адресу: http://www.st-andrews.ac.uk/iih/.

эпифеноменами сил «настоящей истории». Дональд Винч однажды заметил, что, когда интеллектуальный историк подает статью для публикации, он чувствует себя так, словно ему предстоит сыграть «выездной матч»[9]. К счастью, сейчас такое происходит реже. Одна из целей книги – помочь интеллектуальным историкам почувствовать себя членами большой команды, очертив то общее для них пространство, на котором они могут играть у себя дома.

Как указывали Дэррин Макмахон и Сэмюэл Мойн, в настоящее время одна из проблем интеллектуальной истории состоит в том, что мы уже не воюем друг с другом, особенно по поводу методов исследования; они видят в этом проблему, поскольку считают, что появление на свет ряда лучших работ по интеллектуальной истории 1960-х и 1970-х гг. сопровождалось методологическими спорами. Предполагается, что если мы прекратим дискутировать друг с другом, то проникнемся самодовольством и перестанем писать выдающиеся работы[10]. По словам Марка Бевира, одного из виднейших исследователей философии истории последних десятилетий, его книга «Логика истории идей» (1999) вышла в свет под самый конец золотого века методологических разыска-

---

[9] Цит. по: *Young B.* Introduction // A Companion to Intellectual History / Ed. by R. Whatmore, B. Young. Oxford, 2016. P. 1.

[10] *McMahon D. M., Moyn S.* Introduction: Interim Intellectual History // Rethinking Modern European Intellectual History. Oxford, 2014. P. 3–12.

ний[11]. Альтернативной точки зрения держится Джон Барроу, написавший статью о нищете методологии. Он указывает, что те, кто одержим поиском единственно верного способа задавать вопросы прошлому, скорее всего, окажутся в информационных шорах[12]. Стремление к тому, что Барроу называет «методологическим холизмом», заставляет поставить под вопрос собственные эпистемологические предпосылки. Оно нередко сопровождалось презрением к прошлому и неспособностью оценить чуждый нам, но, возможно, внутренне логичный склад мышления прошлых времен. Считается, что Иштван Хонт, интеллектуальный историк из Кембриджа, зашел еще дальше, заявив, что «методология нужна лишь глупцам». Следует подчеркнуть, что некоторые из лучших историков наших дней – например, Энтони Графтон – сторонятся методологических споров. Я не имею ничего против обсуждения подобных вопросов, но в моей книге нет ничего, что провоцировало бы методологические дебаты. Она написана исключительно как введение в дисциплину, не более, и я не в состоянии сказать нечто оригинальное в методологическом смысле. И тем не менее читатель найдет в моей книге приглашение к дебатам.

В последующих главах я постараюсь в общих чертах опи-

---

[11] Five Questions to Mark Bevir // Intellectual History. 5 Questions / Ed. by M. H. Jeppesen, F. Stjernfelt, M. Thorup. Copenhagen, 2013. P. 30.

[12] *Burrow J.* Intellectual History: The Poverty of Methodology. Рукопись. Доступно по адресу: https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=intellectual-history – the-poverty-of-methodolgy-ii.pdf&site=68.

сать историю изучения исторических идей и то, как подобные исследования ведутся в наше время и с какой критикой они сталкиваются. После разговора о становлении интеллектуальной истории, о ее методе и практике я рассмотрю утверждение о том, что стараниями интеллектуальных историков исторические исследования потеряли связь с настоящим. В заключение будут представлены некоторые размышления о последних достижениях интеллектуальной истории. Читателям, которые рассчитывают на широкое разнообразие примеров, охватывающих весь диапазон исследований в сфере интеллектуальной истории, нужно иметь в виду, что по большей части я не выхожу за пределы наиболее изученной мной территории. Стоит отметить, что интеллектуальная история, по-видимому, оказала лишь ограниченное влияние на изучение идей в Античности – в частности, потому, что в «классической» сфере существуют собственные давно сложившиеся академические подразделения и традиции. Также подчеркну, что, хотя в данной книге дается общее представление о подходах к интеллектуальной истории, связанных с именами Райнхарта Козеллека, Мишеля Фуко и Лео Штрауса, в первую очередь речь пойдет о методах и практиках, ассоциирующихся с Квентином Скиннером и Джоном Пококом. Дело в том, что, по моему мнению, именно последние представляют подход, который является доминирующим среди англоязычных интеллектуальных историков и который в наибольшей степени влиял на работу

интеллектуальных историков в последние десятилетия. Разумеется, все подходы в чем-то совпадают и в чем-то похожи друг на друга, и эта тема будет затронута ближе к концу книги. Впрочем, возможно, делать упор на «кембриджских» авторов было ошибкой. В сентябре 2014 г., находясь на конференции шведских аспирантов по интеллектуальной истории в университете Умео, я почти сразу понял, что ни один из них никогда не слышал о Пококе, ни один не изучал методологических работ Скиннера и что в своих исследованиях все они вдохновляются одним лишь Фуко. Шведские аспиранты в основном занимались историей техники в XX в. Одним из самых интересных итогов их трудов стало то, что многих из них пригласили преподавать не на гуманитарных, а на технических факультетах. В других краях все обстоит иначе.

Глава 1
Сущность интеллектуальной истории

Как определить, что такое интеллектуальная история? Сегодня ученые, называющие себя интеллектуальными историками или проявляющие интерес к этой дисциплине, помимо тем, традиционно ассоциирующихся с интеллектуальной историей, политической теорией и международными отношениями, могут заниматься историей идентичности, времени и пространства, империй и народов, пола и гендера, академической и популярной науки, тела и его функций, историей отношения к еде, животным, окружающей среде и миру живой природы, перемещениями народов и распространением идей, историей издательского дела и историей вещей, историей искусства и историей книги. Порой мы слышим, что в силу чрезвычайной пестроты, свойственной интеллектуальной истории, ей невозможно дать дефиницию. Другие говорят, что было бы ошибкой пытаться дать определение тому полю исследований, в котором, как мы считаем, мы сами работаем, поскольку это может привести к установлению произвольных дисциплинарных границ. Джон Покок, человек, по мнению многих, внесший самый большой вклад в интеллектуальную историю, написав целый ряд новаторских ра-

бот, на вопрос «Что вас привлекало в интеллектуальной истории, когда вы начали ею заниматься?» ответил: «Не уверен, что меня когда-нибудь что-либо в ней привлекало, поскольку в то время я еще о ней не слышал и не знаю, верю ли я сейчас в ее существование»[13].

Попытки дать дефиницию интеллектуальной истории предпринимались неоднократно. Однако, стремясь определить сферу своей деятельности, интеллектуальные историки уподобляются экономистам с их склонностью к спорам. Следуя этому правилу, я отвергаю первое определение интеллектуальной истории, которое дал Роберт Дарнтон, писавший, что интеллектуальная история охватывает

> историю идей (изучение систематического мышления, обычно в виде философских формулировок), собственно интеллектуальную историю (изучение неформального мышления, интеллектуальной атмосферы и литературных движений), социальную историю идей (изучение идеологий и процесса распространения идей) и культурную историю (изучение культуры в антропологическом смысле, включая мировоззрения и коллективные *mentalités*)[14].

Такое определение представляется мне расплывчатым

---

[13] Five Questions to John Pocock // Intellectual History. 5 Questions. P. 143.

[14] *Darnton R.* Intellectual and Cultural History // The Past Before Us: Contemporary Historical Writing in the United States / Ed. by M. Kammen. Ithaca; New York, 1980. P. 337.

и невнятным. Например, чем философские формулировки отличаются от нефилософских, а философское мышление – от неформального? Своим определением Дарнтон, помимо прочего, стремился провести черту между интеллектуальной историей и социальной историей идей как разновидностью культурной истории[15]. На практике же интеллектуальные историки следовали примеру таких ученых, как Арнальдо Момильяно и Энтони Графтон, которые, вдохновляясь великими филологическими традициями и их современным воплощением в исследованиях по истории науки, всегда занимались всем тем, что упомянуто в определении Дарнтона, но только пренебрегая ложными различиями между социальной, культурной и интеллектуальной сферами[16]. Джон Барроу, первый человек, ставший в Англии профессором интеллектуальной истории, более удачно определял ее как процесс выявления того, «что в прошлом люди имели в виду, говоря то, что они говорили, и что сказанное

---

[15] *Darnton R.* In Search of the Enlightenment: Recent Attempts to Create a Social History of Ideas // The Journal of Modern History. 1971. Vol. 43. № 1. P. 113–132; *Idem*. The Kiss of Lamourette: Reflections in Cultural History. New York, 1990.

[16] *Momigliano A.* Studies in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977; *Grafton A., Jardine L.* Studied for Action: How Gabriel Harvey Read his Livy // Past and Present. 1991. Vol. 129. P. 30–78; *Grafton A.* Momigliano's Method and the Warburg Institute: Studies in his Middle Period // Momigliano and Antiquarianism: Foundations of the Modern Cultural Sciences / Ed. by P. Miller. Toronto, 2007. P. 97–126; *Soll J.* Intellectual History and the History of the Book // A Companion to Intellectual History. P. 72–82.

ими „означало“ для них»[17]. Как предупреждал Барроу, зачастую «научные ярлыки – это скорее разметочные флажки, нежели имена, отражающие сущности», однако его дефиниция – лучшая из тех, что у нас есть. Равным образом хороши и метафоры, к которым он прибегал, говоря, что интеллектуальный историк подслушивает разговоры былых эпох, играет роль переводчика между живыми культурами и культурами прошлого и исследует миры, полные чуждых нам допущений и убеждений[18].

Вследствие того, что к интеллектуальной истории относят так много различных видов деятельности, возникает вопрос: а что же, собственно, включает в себя исследование в этой области? Некоторым историкам это дает повод договориться до того, что никакой интеллектуальной истории как четко выделяемой предметной области не существует, ибо почти вся историческая наука имеет дело с идеями, обычно в виде изучения письменных текстов прошлых эпох. Однако это ошибка. Да, историки неизбежно будут иметь дело с идеями, однако систематический анализ содержания этих идей и то-

---

[17] Письмо Джона Барроу Энтони Д. Наттоллу от 3 февраля 1978 г.: Burrow Papers, Special Collections, University of Sussex Library, Box 11, «Correspondence T – Z», цит. по: *Cuttica C.* Eavesdropper on the Past: *John W. Burrow* (1935–2009), Intellectual History and Its Future // History of European Ideas. 2014. Vol. 40. № 7. P. 905–924.

[18] *Burrow J. W.* Intellectual History in English Academic Life: Reflections on a Revolution // Advances in Intellectual History / Ed. by R. Whatmore, B. Young. London, 2006. P. 8–24.

го, как происходит их передача, перевод, распространение и восприятие, и создало интеллектуальную историю как дисциплину. Интеллектуальная история обрела идентичность как отдельная область гуманитарных наук и исторических исследований после 1950 г.

Главной и наиболее значимой особенностью интеллектуальной истории является ее междисциплинарная природа. Интеллектуальные историки никогда не соблюдали границ между дисциплинами, если только речь не идет о границах, проведенных носителями идей, которые они изучают. Причина этого в том, что идеи никогда не носят чисто политического, философского, экономического или теологического характера. Соответственно, тех, кто занимается интеллектуальной историей, можно встретить на факультетах истории, философии, политологии, международных отношений, классической филологии, богословия, английского и иностранных языков, экономики, государственного управления, социологии и антропологии. Это особенно характерно для европейских и североамериканских университетов. Способствует этому и все более частый отказ от позитивистских курсов истории частных дисциплин, в которых описываются становление и развитие последних. Большинство интеллектуальных историков отвергает подобную историю в силу присущих ей презентизма, телеологизма и анахронистичности. Одним из здоровых последствий такой ситуации является поразительное разнообразие сфер, в кото-

рых ведут исследования интеллектуальные историки. Они могут обращаться к истории науки, истории книги, распространению и восприятию идей и вдобавок делать это в рамках транснациональных и глобальных исторических исследований. Прежде интеллектуальная история ассоциировалась по большей части с политической мыслью Европы раннего Нового времени, но это, несомненно, уже давно не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.